

«МЫСЛЬ НАРОДНАЯ» В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 марта 2025 г.

Аннотация: в статье предпринимается анализ специфики воплощения ценностей народного самосознания в рассказах и очерках А. Платонова о Великой Отечественной войне. В центре внимания автора работы — тексты писателя, восстановленные по рукописям, что позволяет с новых позиций обратиться к вопросам интерпретации произведений писателя, изображавших события минувшей войны как «войны народной».

Ключевые слова: наследие А. Платонова, военная проза, ценности народного самосознания.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the specifics of the embodiment of the values of national identity in the stories and essays by A. Platonov about the Great Patriotic War. The focus of the author's work is on the texts of the writer, restored from manuscripts, which allows us to turn from a new perspective to the interpretation of the writer's works, which depicted the events of the last war as a «people's war».

Keywords: Platonov's heritage, military prose, values of national identity.

Памяти Тамары Александровны Никоновой

Истоки духовной силы человека, противостоящего «мировому злу», надежды на мирное будущее в прозе А. Платонова о Великой Отечественной войне получают осмысление в свете народных представлений, оценок и чаяний.

О значении для живых и мертвых «непобедимой субстанции народного существования» [1, 266] говорится в рассказе «Размышления офицера»: «одно средство» <...> объединяет каждого человека с его народом напрямую, объединяет с живыми и умершими поколениями его родины. Это мировоззрение и мироощущение народа — когда мысль человека знает общую задушевную истину, чувство любит ее, а вооруженная рука защищает. Народ называет свое мировоззрение правдой и смыслом жизни» [2, 226-227].

Значение «общей истины» уточняется и конкретизируется в свертхтексте военной прозы писателя. В рассказе «Среди народа»: майор «слушал старого крестьянина, и у него хорошо делалось на сердце, словно оно все более согревалось. Он чувствовал, как тепло веры народа и праведность его духа питают его, и судьба его, Махонина, как русского солдата, благословенна, и сейчас уже, а не в будущем, он знает свое счастье» [2, 118]. В рассказе «Иван Великий» со «спокойной праведностью на сердце» [2, 262] Иван Владыко спасает от вражеских живодецов «серую русскую лошадь», отощавшую и ослабевшую в немецком плену от изнурительной работы. И слова повествователя, понимающего, с какой

невыразимой мукой болело «крестьянское сердце по умирающей...», припавшей костлявыми телом к «материнской поверхности земли» [2, 258], созвучны народным представлениям о лошади — «кормилице» и «работнице» [2, 259]. Платоновские герои не сомневаются в том, что «народная сила рождается в деревенской материнской земле, и войско народа питается от земли, распаханной руками крестьян, согретой солнцем и орошенной дождем» [2, 37] («Крестьянин Ягафар»).

Прикосновение к «материнскому телу» земли укрепляется дух воина: «Цибулько изредка приподымал свое лицо от земли и вновь принимал к ней вплотную; опухшие, потрескавшиеся от ветра уста его были открыты, он прижимался ими к земле и отымал их, а затем опять жадно целовал землю, находя в том для себя успокоение и утешение» [2, 78] («Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем»).

Земля врачует, утешает, успокаивает и, обладая чудесными свойствами, оберегает своих работников и защитников, помогает им в бою. Вот еще один из характерных примеров: «Красноармейцы, накрываемые огнем, перебежали вперед лишь только после долгих пауз <...>; принимая к земле, они отдыхали, и земля защищала их» [2, 361] («Афродита»). Герои платоновской прозы о Великой Отечественной войне разделяют сбереженную в народном самосознании мысль о том, что родную «землю железо никогда не возьмет, она хоть и мягкая, да не ломается и не умирает» [2, 150] («Оборона Семидворья»).

В рассказе «Офицер и солдат» «Артемов понимал землю как оружие — и для обороны, и для наступления» [2, 281]. И повествователь, подтверждая эти слова, видит, как русская пехота «вживалась в землю, чтобы стерпеть без гибели накрывающий ее огневой вал» [2, 284].

В соответствии с эпической народной традицией земля ведет себя как израненное живое существо, страдающее от боли: «Сначала можно было различить отдельные выбросы земли, похожие на вскрики, обращенные к небу, — и <...> даже казалось, что можно, помимо пушек, расслышать этот наивный и непосредственный голос гибнущей земли...» [2, 188] («Бой в грозу»). В очерке «Гроза под Орлом» драматично и выразительно описание страданий искореженной снарядами земли, с которой артиллерийский огонь «сдирает» грунт и «каменистые породы» «до самых твердых костей ее тела. Сначала можно было различить отдельные выбросы земли, похожие на вскрики, обращенные к небу, — и нам даже казалось, что можно, помимо пушек, расслышать этот наивный и непосредственный голос гибнущей земли...» [3, 270]. «

Опаленная пожарищами, земля испытывает муки, она искалечена и отчасти «потрачена» врагом: «земля была пуста и безродна — что жило на ней, то умерло под железом и солдатским сапогом и более не поднялось расти» [2, 10] («Божье дерево») — так выглядит картина «пустого поля» вблизи линии фронта. «Землю порвали огнем, обгадили сквозь, молочных и стельных коров под нож и на закуску поели, пахотных тягловых коней по всем дорогам замертво положили» [2, 259], — предъявляет свой и общенародный счет захватчикам герой рассказа «Иван Великий».

В платоновской прозе о войне земля и ее защитники обретают «равенство в страдании» (название публицистической статьи писателя). «Мученица! — подумал Максимов о земле. — Ну ничего, терпи, и мы с тобой терпим!» [2, 199] («Никодим Максимов»). «Я так считаю, что достаточно и хватит огненному железу войны ползать по нашей земле, — ей хлеб пора рожать!», — обращается к своим товарищам по оружию герой рассказа «Иван Толокно — труженик войны». «Пора, — сказали бойцы, и душа их тронулась болью и воспоминанием» [2, 132].

Раны сознания врачует сама земля. Искалеченная в сражениях, она сохраняет способность без следа искоренять злодеев и злодейство: «Два часа шло истребительное погребение врага в нашей земле. Позже, когда наши части прошли вперед, уже нельзя было установить, как тут все было до нас. <...> Земля, смолотая и еще раз перемолотая огнем, перетерла тела врагов и смешала их с собою столь бесследно, что лишь по частям одежды можно узнать, что здесь пребывает кто-то посторонний» [2, 300] («Прорыв на запад»).

Сходную мысль, выраженную с публицистической прямоотой, находим в рассказе «Неодушевленный враг»: «Но я, русский советский солдат, был первой и решающей силой, которая остановила движение смерти в мире; я сам стал смертью для своего неодушевленного врага и обратил его в труп, чтобы силы живой природы размолотили его тело в прах, чтобы едкий гной его существа пропитался в землю, очистился там, осветлился и стал обычной влагой, орошающей корни травы» [2, 34].

Наступление на врага и одержанные над ним победы характеризуются в платоновской прозе как восстановление «целости» русской земли, ее очищение от «злодейства» и «скверны».

Писатель считал, что война — это проявление «всемирного зла» [2, 35], оставляющего после себя «пораненную» [2, 98] землю, «обгорелые леса», «посев трупов» [2, 314]. В рассказе «Офицер и солдат» сражение происходит «в темном ночном мире», в котором подземные «черные воды, оживши, стали еще более мертвы, чем прежде, и ужаснули человека своим бешенством, своей ложной и страшной жизнью, заменившей им кроткую дремоту в вечности» [2, 287]. Но этот морок отменяет солдатское сердце, неподвластное «ожившему» злу и злодейству: «в этом свирепом беспорядочном смятении лишь одно было неподвижно и верно и давало смысл всему видимому ужасу — действующее сердце нашего солдата, умерщвляющего близкое, в упор надвинувшееся живое злодейство. Вкруг него, близ нашего солдата, бой превращался из ужаса в житейскую необходимость» [2, 287].

Общенародным достоянием считает «целость» русской земли герой «Рассказа о мертвом старике»: Очнувшись после схватки с врагом, дед Тишка понял: «земля была цела...» [2, 69-70]. Он «знал, что раз земля осталась за народом, раз он уберечь ее от врага, то в свое время все обратно возьмется от земли — и хлеб, и избы, и любое добро, — и от нее же вновь оживет и повеселеет печальная, обиженная крестьянская душа» [2, 72-73. «А я служил и служу делу защиты нашего общего отчего крова, называемого отчизной, я работаю всем своим духом, телом и оружием на оборону *живой целостности нашей земли*» [2, 221. Курсив наш. — О. А.], — оставляет запись герой рассказа «Размышления офицера».

Минуты «одухотворенной радости, когда в мгновениях боя освобождается от злодейства вся земля...» [2, 282], — считает «своим счастьем» и «высшей жизнью» капитан Артемов. Герой, верящий в живую силу земли и слышащий ее голос, по улице разрушенного города идет, как «по аллее созидания: <...> там лежало поверженное, мертвое злодейство <...> и что может быть в мире совершеннее и плодотворнее этого солдатского дела, умерщвляющего зло, дабы добро и труд снова возникли на земле и жаворонок над хлебным полем не падал бы с умолк-

шей песней, удушенный взрывной волной...» [2, 282]. («Офицер и солдат»).

Надежда на лучшую долю, «добро и труд» после освобождения родной земли от врага в платоновской прозе объединены метафорой посева, символизирующей возрождение жизни. В рассказе «Три солдата» боец спасает из «плена» фашистского танка семена, чтобы их «взять <...> на родину в хозяйство, потому что поля войны зарастают жестким бурьяном, с листьями как железная стружка, несъедобными для скотины, а в мешке были семена сладкого клевера» [6, С. 340]. В рассказе «Афродита» «Фомин собрал несколько уцелевших черепиц и сложил их маленьким правильным штабелем, точно делая заготовку материала или собирая семена, чтобы снова посеять Россию» [2, 344].

Говоря о возрождении отчизны, писатель учитывает уроки довоенных и далеких «старинных» лет. Посвященный в круг народных представлений повествователь не скрывает высоких оценок в том случае, если речь заходит о мастерстве строителей дореволюционных сооружений. В рассказе «Штурм лабиринта» специально оговаривается, что герой, разгадавший секрет подземных коммуникаций вражеского города, в мирной жизни был землеустроителем. Он считал «русские избы» «самым лучшим, самым человечным архитектурным произведением» [2, 388], а на чужбине, в Германии, не любил «унылый порядок жилищ, аккуратных до бездушности, и сама земля здесь пахла не теплом жизни, но какой-то химией мертвых веществ» [2, 388]. В рассказе «Старый человек Никодим» — весьма существенна подробность: после удара авиационной бомбы изба, перевезенная на опасное место, «лежала на боку, но сруб ее был старинной прочной вязки и не развалился» [2, 51]. Развернутое описание построенной задолго до революции плотины (ее «из глины и земли сложила полвека назад крестьянская артель» [2, 17]) находим в рассказе «Дед-солдат»: «Плотина стояла в сохранности до сей поры; она переживала и великие ливни, и нагорные потоки вешних вод, но бури ее не развеяли и воды не размыли, потому что *плотину строили умелые крестьянские руки, привыкшие к земле и любящие ее*» [2, 17. Курсив наш. — О. А.].

Уместно напомнить, что многочисленные вмешательства редакторов искажали смысл произведений писателя. Так, например, в рассказе «Никодим Максимов» из описания крестьянской избы («это было обыкновенное жилище, в котором рождались, проводили детство и проживали жизнь в старину почти все русские люди. Все здесь было знакомо, просто и убого, но мило и привычно сердцу и ненадоедливо, как хлеб») [2, 194] в результате редакторской правки были исключены «убого», «привычно сердцу и ненадоедливо, как хлеб». Словосочетание «русские люди» заменено на «русские крестьяне».

Отвергнутая цензорами милая «убогость» русского жилища в системе историософских представлений А. Платонова, на наш взгляд, является не просто одной из примет многовековой национальной действительности, но и знаком, указывающим на готовность обитателей разбросанных по России селений к «перемене» [2, 331] и обновлению жизни. В народном сознании «справная» деревенская жизнь ассоциируется с чистотой. В рассказе «Оборона Семидворья» «отделка» боевых позиций завершается «по-житейскому, чтоб в них как в чистых избах было» [2, 151]. Но «русский человек любит разнообразие, — отмечает повествователь в рассказе «Три солдата», — даже свои деревни он иногда сознательно строил непрочно и ненавечно, дабы не жалко их было переменить на другие, когда они погорят...» [2, 331].

Производные от прилагательного «убогий» в военной прозе А. Платонова используются и с отрицательными коннотациями. Но упоминание или описание русской избы в речи повествователя, как правило, сопровождается мотивом веры в лучшее будущее. Показательна сюжетная ситуация в рассказе «Домашний очаг». Через «один крестьянский двор», также названный «убогим», «два немецких танка — “тигры” — и самоходка “фердинанд” хотели пройти напролом», были подбиты, но «мертвое присутствие» громоздкой неприятельской техники не может помешать возрождению мирной жизни: «промеж тех подбитых танков осталась русская избыная печь с закопченным устьем. И возле той уцелевшей печи крестьянка-старуха месила <...> глину голыми ногами, чтобы обмазать свой домашний очаг, а старик-хозяин тесал бревно на постройку в тени мертвого “тигра”» [2, 207].

Ценностно-смысловым центром произведения является пословица «С печи изба примется, а с избы все хозяйство возьмется» [2, 208], раскрывающая укорененное в народном сознании отношение к разрушениям и бедствиям, которые часто выпадают на долю русского человека, но в исторической перспективе преодолимы. Неистребимость веры русского человека в лучшее будущее подтверждают описания, приведенные в рассказе «Три солдата»: «Летом нынешнего года часто можно было наблюдать, как старик-крестьянин обкашивает траву на зимний корм корове вокруг подбитого “тигра”, а его хозяйка вешает рядно для просушки на буксирный крюк “фердинанда”. А другой дед, не стерпев своего сердца при виде осыпающегося хлеба, косит ржаную ниву, с которой еще не убрали мины, действуя спокойно и уверенно, как бессмертный» [2, 332].

«Тружеников войны» — солдат, краснофлотцев, офицеров, бывших в мирное время хлеборобами, плотниками, строителями, кузнецами, землеустроителями, инженерами, электриками, горняками, плотовщиками, в платоновской прозе объединяет

«мысль народная» — понимание военных буден как труда, как части «главной жизни», преодолевающей смерть, разрушения, «создающей судьбу народа» [2, 332]. В рассказе «Одухотворенные люди...» на фронте бойцы «почувствовали себя способными к большому труду, и они поняли, что родились на свет <...> для того, чтобы отдать ее обратно правде, земле и народу» [2, 102]. Характерную аттестацию получают бойцы в рассказе «Иван Толокно — труженик войны»: «...они строят вечное добро победы человечества над врагом его существования» [2, 136]. В рассказе «Сержант Шадрин» герой «принял войну как высший и самый необходимый труд» [2, 404].

Мысль о том, что «на войне бой бывает кратким, но труд долгим и постоянным» [2, 147], варьирясь, в сверхтексте платоновской прозы откликается в репликах героев, в пословицах и афоризмах: «невыспавшийся боец — это не работник на войне» [2, 85] («Одухотворенные люди...»); «Мы уж к войне, как к пахоте, привыкли и уж урожай пусть нам не исполу будет» [2, 132] («Иван Толокно — труженик войны»); «Остановился на день, вкапывайся навек» [2, 281] («Офицер и солдат»); «Действуя в бою как на работе...» [5, 388] («Молодой майор (Офицер Зайцев)»); «От большого труда и чести больше» [5, 380] («Молодой майор (Офицер Зайцев)»); «Плотничать — что пахать: святое дело» [2, 293] («На Горынь-реке»).

Выражению «мысли народной» служат и другие пословицы, солдатские афоризмы: «Не всякая смерть тяжка, не всякая жизнь добра!» [2, 70] («Рассказ о мертвом старике»); «В шубе — не пловец, в рукавицах — не косец, а сонный — не боец...» [2, 85] («Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем»); «...возле смерти человек сильнее» [2, 134] («Иван Толокно — труженик войны»). В рассказе «Штурм лабиринта» к пословице присоединена фраза с неодобрительной оценкой тех, кто не считается с людскими потерями: «Побольше ума <...> — и поменьше огня. А то мы, бывает, навалом норовим давить противника, чтоб думать не надо» [4, 555]. В прижизненном сборнике рассказов А. Платонова «Солдатское сердце» (М.-Л., 1946) и в современных массовых изданиях текст, выделенный курсивом, отсутствует. — О. А.]

Очевиден оптимизм, а не «болезненный пессимизм» (О. Резник) художественной прогностики писателя, основанной на представлениях и ценностях народного самосознания: «Войско тем и живо, что в смерть не верит» [2, 74] («Рассказ о мертвом старике»); «Горе и разор наши минуют, а добро-то от нашего дела навеки останется» [2, 237] («Офицер и крестьянин (Среди народа)»); «Земле не пропадать, а народу не помирать...» [2, 196] («Никодим Максимов»); «От большого труда и чести больше» («Молодой майор (Офицер Зайцев)» [5, 380]; «Сто годов деды наши живали и нам завещали» («Штурм лабиринта») [2, 390].

В прозе А. Платонова о Великой Отечественной войне описания и характеристики вписаны в духовно-историческое измерение, намного превышающее советский период национальной истории. Не случайно в стилистическом строе произведений происходит «возвращение» русским словам их лексико-семантических значений, вытесненных из активного употребления в пореволюционном советском обществе. Прилагательное «добрый» употребляется в значении «настоящий», «хороший». Ср.: «он любил, чтоб от его жизни был смысл, равно как от доброй земли бывает урожай» [2, 84] («Божье дерево»); «надо защитить добрую правду русского народа» [2, 84] («Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем»); «...здесь добрая земля, ей хлеб надо рожать» [2, 294] («На Горынь-реке»); «...добрая рожь, родившаяся в то лето напрасно» [5, 119] («Офицер и крестьянин (Среди народа)»); «Сущим» [2, 334] (т.е. «истинным», «настоящим») «солдатом» назван один из героев рассказа «Три солдата».

Достаточно часто представлен в военной прозе А. Платонова и такой «вневременной» речевой оборот, как «спокон века»: «Будем драться, как *спокон века* дрались русские люди — до последнего человека...» [2, 92] («Одухотворенные люди...»); «они кормились с угодий, прилегающих к их жилищам, и тем существовали здесь *спокон века*» [2, 216] («Взыскание погибших»); «будто *спокон века* и свет не светил...» [2, 271] («Добрая корова. Рассказ старослужащего красноармейца»); «*спокон веков и доньше*» («Сын народа (Офицер Простых)») (курсив наш. — О. А.). Но явно минимизированы (или полностью отсутствуют) привычные для советской печати выражения и речевые обороты, включавшие слова «социализм», «коммунизм» и т.п. Говоря об этом, вновь исхожу из текста, восстановленного по рукописям, так как прижизненные публикации платоновских рассказов редакторами искажены. В тексте, соответствующем авторской воле, значимы замены в устойчивых словосочетаниях. Значительно чаще вместо «советской Родины» в платоновской прозе говорится о «вечной Родине» («Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем»); вместо защиты ««рубежей советской страны» — о «защите отчего крова, называемого Отчиной» («Размышления офицера») и предлагается исторический материализм («нашу общую мысль, нашу философию, владеющую исторической истиной») «превратить в простое, доступное всем, страстное, святое чувство, подобное молитве, чтобы оно постоянно укрепляло сердце воина и подымало на врага его руку» [2, 227].

Для повествовательной структуры военных рассказов писателя характерна адаптация слов и действий, соответствующих требованиям армейского устава, к христианским ритуалам и обрядам, укорененным в народном сознании: «Присяга — это

молитва за родину...» [2, 186] («Верное сердце»). В том же ряду — метафоры: «Дух — этот род оружия вечен [2, 226] («Размышления офицера»). «А без веры солдат как былинка» [2, 334] («Три солдата»). В рассказе «Добрая королева». Рассказ старослужащего красноармейца для характеристики советского офицера служит метафорическая замена: «Командир у нас был со свечой в голове» [2, 274]. Вместо растиражированного в газетах выражения «священная присяга на верность родине» (Красная звезда. — 1941. — 11 июля) предлагается понимание воинского долга с позиций христианской и «вечно живой» «народной» этики: «сердце постоянно чувствует любовь к своему живому народу и его святым мертвым мученикам» [2, 185].

Показательна специфика употребления в военной прозе А. Платонова эпитета «священный». Как известно, словосочетание «священная война» с первого же месяца сражений было широко растиражировано, став общеупотребительным. См., например, передовую статью «Священная отечественная война советского народа», опубликованную в газете «Красная звезда» 28 июня 1941 года: «Над всей страной развевается знамя новой священной отечественной войны против нашествия фашистских вандалов». Или «Герои священной войны» [Красная звезда. — 1941. — 25 июля]. Однако — вопреки дискурсивной практике, получившей распространение в советской печати, — эпитет «священный» используется платоновскими героями и повествователем, посвященным в круг авторских представлений, для характеристик русского народа, матери, существа солдата, пехотинцев, родного дома, дерева, выращенного предком, «общего отцовства», «нового священного времени жизни», ожидаемого после окончания войны, но никак не самой войны. Ср.: «... наш священный народ» [5, 292] («Сын народа (Офицер Простых)»); «...у нас свяственно существо солдата, как священна мать» [2, 409] («Сержант Шадрин»); «пехота, серая по одежде, тонущая в размытой земле, терпеливая и священная по своему решающему значению» [2, 193] («Бой в грозу»); «священное место человека: его жилище <...> дерево деда» [2, 224] «...океан народа, общее отцовство, понятие которого для нас свяственно, потому что отсюда начинается наше служение» [2, 225] («Размышления офицера»). Даже малые «материальные предметы могут быть священными, — приходит к выводу один из героев А. Платонова, — и тогда они питают и возбуждают дух человека. Я помню армяк деда, сохранявшийся в нашей семье восемьдесят лет; мой дед был николаевским солдатом, погибшим на войне, и я трогал и даже нюхал его старый армяк, с наслаждением предаваясь своему живому воображению о геройском деде. Возможно, что эта семейная реликвия была одной из причин, по которой я сам стал солдатом» [2, 224] («Размышления офицера». Курсив наш. — О. А.).

В рассказе «Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем», одном из самых известных произведений А. Платонова о Великой Отечественной войне, как «новое священное время жизни» [2, 85] охарактеризовано послевоенное будущее: «<...> много еще работы будет на свете и после войны, после нашей победы, если мы хотим, чтобы мир стал святым и одушевленным, если мы хотим, чтобы сердце красноармейца, разорванное сталью на войне, не обратилось в забытый прах...» [2, 85].

Писатель был убежден, что вновь ожившие в народном сознании надежды на перемены к лучшему оплачены подвигом павших, мысли о которых вызывают строгие и патетические интонации. Рассказ «Взыскание погибших» завершается напутствием: «Нужно не только истребить намертво врага жизни людей, нужно еще суметь жить после победы той высшей жизнью, которую нам безмолвно завещали мертвые; и тогда, ради их вечной памяти, надо исполнить все их надежды на земле <...> нам надо так жить теперь, чтобы смерть наших людей была оправдана счастливой и свободной судьбой нашего народа и тем была взыскана их гибель» [2, 220]. В рассказе «Бой в грозу» голос повествователя, посвященного в круг авторских представлений, сливается с описанием атаки, подобной небесному возмездию: «Свет молний и пушечного огня <...> рев канонады и грома и мрак ливня, озаряемый лишь магическими вспышками человеческой и небесной ярости, создавали в сердце впечатление, что за гранью нашей победы нас ожидает волшебная судьба, возвышенная в духе и мощная в материальной силе. Иначе — зачем же все это совершается, что мы видим и в чем участвуем?» [2, 193].

Думы о послевоенном устройстве мира, о жизни, которая будет вечно счастливой» [2, 131], в прозе писателя интонированы созвучными, но разными голосами. «Теперь надо каждому стараться народную пользу творить...», — убежден безымянный боец в рассказе «Добрый Кузя». «После войны уже будет что-то другое, может быть — хорошее и тихое, как вечерняя песня...» [2, 282], — делится своей надеждой герой рассказа «Офицер и солдат».

В созвучии голосов и мнений о послевоенном обновлении жизни особое значение приобретают приведенные в рассказе «Афродита» размышления о значении таких понятий, как «смысл существования», «крепость веры» [2, 346], понять которые нельзя, оторвавшись от своего народа: «Одному человеку нельзя понять смысла и цели своего существования. Когда же он приникает к народу, родившему его, и через него к природе и миру, к прошлому времени и будущей надежде, — тогда для души его открывается тот сокровенный источник, из которого должен питаться человек, чтобы иметь неистощимую силу для своего деяния и крепость веры в необходимость своей жизни» [2, 346].

Как известно, этот рассказ отмечен автобиографическими фактами и подробностями, своему герою А. Платонов отдал основные вехи своей воронежской биографии, а также сокровенные представления о моральном облике советского офицера-труженика» [6, 534], открывшего «тайну родины <...> в верности, оживляющей душу человека, в сердце солдата, проросшем своими корнями в глубину могил отцов и повторившемся в дыхании ребенка, в родственной связанности <...> с плотью и осмысленной судьбой своего народа» [2, 359]. Его верой в Победу над мировым злом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В. В. Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества. — 2 изд., испр., доп. / В. В. Васильев. — М.:

Воронежский государственный университет
Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, до-
цент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории
литературы и гуманитарных наук
E-mail: oaleinikov@yandex.ru

Современник, 1990. — 287 с.

2. Платонов А. П. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941-1945 годов / А. П. Платонов / Сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко. — М.: Время, 2010. — 544 с.

3. Платонов А. Гроза под Орлом / А. Платонов // Знамя. — 1943. — Кн. 9/10. — С. 270-273.

4. Платонов А. В прекрасном и яростном мире. Повести и рассказы / А. Платонов. — М.: Художественная литература, 1965. — 630 с.

5. Платонов А. Одухотворенные люди. Рассказы о войне / А. Платонов. — М.: Правда, 1986. — 432 с.

6. Корниенко Н. В. Комментарии / Н. В. Корниенко // Платонов А. П. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941-1945 годов. — М.: Время, 2010. — С. 500-541.

Voronezh State University
Aleynikov O. U., Candidate of Philology, Associate Professor.
Department of Russian literature XX-XXI centuries, Theory of
literature and Humanities
E-mail: oaleinikov@yandex.ru